Фельетон

ТЕНОР РАЗОБИДЕЛСЯ

До начала спектакля оставались считанные минуты. Зрительный зал был переполнен. Из оркестра раздавались короткие робкие звуки. Это музыканты в последний раз настраивали инструменты. Все было готово к подъему занавеса. И вдруг в дирижеру, уже вставшему за пульт, подбегал взволнованный режиссер, ведущий сегодня спектакль.

— Тенор Пропа! — схватившись за голову, зашептал он. — Скандал.

Лицо у дирижера вытянулось, палочка выскользнула из рук, на лбу выступил холодный пот.

— Как пропа? — с трудом выговорил он.

— Пропа! — безнадежно выдохнул режиссер. — Нет тенора.

Ударник Миша, до которого только теперь дошел весь смысл катастрофы, случившейся в театре, с досадой грохнул в барабан. Притихшая было публика вздрогнула. Опера начиналась явно необычно...

Подобные истории, может быть в несколько иных вариантах, нам неоднократно приходилось слышать из уст путников-театралов. В данном случае, рассказ о пропаже тенора — не шутка, хотя покинул он театр и не перед спектаклем, а заблаговременно. Но все-таки покинул, и покинул в момент, не менее ответственный, чем начало оперы. Он оставил театр накануне большого события в культурной жизни республики — декады таджикского искусства в Москве.

Может быть, он никак не мог решиться выступить перед москвичами?

Нет, тенор не отличался трусливостью.

Может быть, он не верил в свои силы и возможности и благоразумно поэтому решил ступешаваться заранее?

Вовсе нет. Тенор, о котором идет речь, как раз считает себя вполне подготовленным певцом, претендует на главные роли во всех постановках.

В чем же тогда дело? А в том оказывается, что тенор... разобиделся.

Не нравились ему порядки в театре. Он думал, что как тенору, играть ему в театре первую скрипку. Не сыграл, не доверили. Даже критиковать иногда осмеливались. Он думал, что любую роль, какую захочет, будет исполнять. Не разрешали. Да разве все обиды перечислишь!

И то не так, и это не по нему.

Вообщем:

— Не могу брать верхнее ля в такой обстановке, — заявил тенор.

Вы не догадались еще, о каком теноре идет речь? О заслуженном артисте республики Ахмате Бобокулове — солисте Таджикского государственного театра оперы и балета им. Айни.

Капризный человек Бобокулов. Поперек ему слова молвить не смей. Не переносит.

— Вот так оказия, — заметите вы. — А ведь поет когда, такой, кажется, душевный, покладистый человек.

Не верьте его голосу.

Говорят, внешность обманчива. Оказывается, и голос иногда того... тоже обманывает.

В театре это долго не хотели признавать. За красивым голосом певца старались разглядеть красивую душу чело-

века. Старались, но не сумели.

У недавнего выпускника консерватории, талантливого артиста, секретаря комсомольской организации театра, ни весть откуда появились высокомерие, нетерпимость к критике, чуждое духу нашего театра премьерство.

— Маленькую роль готовить не буду. Подавайте мне главную, — стараясь говорить беспрекословным басом, заявлял тенор.

Его старались вразумить. Мед, и маленькую роль большой артист делает главной.

Этому вразумлению певец, отличающийся, как и должно быть, хорошим слухом, внимать не хотел. Он продолжал требовать, его продолжали увещевать.

Из-за долгих споров Бобокулову некогда было расти, как певцу, совершенствоваться. Он стал хуже петь.

Но, — любопытная зависимость! — чем хуже он пел, тем больше претендовал на ведущее положение в театре. Этим претензиям не суждено было сбыться. И Бобокулов встал на путь нарушения трудовой дисциплины. Тенор запротестовал! Однажды он не появлялся в театре целых 15 дней. Свой прогул он объяснил довольно оригинально.

— В театре меня не ценят. Главных ролей не дают. Работать не хочу. Пусть без меня поют.

В театре пели действительно без него. Но актеру пошли навстречу. Простили ему этот прогул. Однако, через некоторое время, повздорив с главным дирижером, Бобокулов отсутствовал в театре еще шесть дней.

Долго убеждал директор солиста в том, что он поступает неправильно, что на него, как на способного певца, возлагаются большие надежды, что недаром же государство так долго и так заботливо учил Бобокулова высокому искусству оперного певца. Не пошло ничего. Бобокулов был непоколебим. И директор скрепя сердце, наложил на заявление резолюцию «уво- лить».

Артист ушел из театра, тенор пропал, не оправдались надежды, которые возлагались на него.

Обидно!

И вот теперь, когда в театре развернулась деятельная подготовка к предстоящей декаде в Москве, молодой заслуженный артист отлеживается дома на коврах, делает обиженное лицо и размышляет о том, как все-таки несправедлива к тенору судьба.

Нет, судьба справедлива. Она одинакова для всех, кто забывает о своем долге перед народом и оставляет в ответственный момент передовые позиции. Об этом следует помнить.

На этом можно было закончить рассказ об Ахмате Бобокулове. Но еще раз все-таки хочется сказать ему:

— А не слишком ли опрометчиво поступили вы? Театр породит вами, вы нужны искусству, вы дороги зрителям, которые полюбили в вас талантливого певца. А талант — дело ответственное. Он объявляет,